

И. Н. Андрушкевич

Сущность современных идеологий

(Домыслы против верований)

Бедствие нашего времени

Современный мир невозможно себе представить без идеологий или просто «измов» разного рода, которые довлеют не только над общественно-политической, но и над духовной жизнью человечества. Эти идеологии, несмотря на их видимое разнообразие, составляют однородную систему, которая и является отличительной чертой нашей современной цивилизации.

Однако, социологическая наука уделила сравнительно мало внимания изучению этого явления в целом. Вообще нужно сказать, что сама эта наука находится на поводу у разных идеологий, что ей и препятствует отнестись к этому вопросу непредвзято и правдиво.¹

Быть может, именно поэтому современная социология частично прошла мимо весьма интересных и ценных теорий в этой области испанского философа Хосэ Ортега-и-Гассет. Сам Ортега относился весьма критически к современному состоянию социологических дисциплин, которые, несмотря на их несомненную модность и на их кажущийся расцвет, по его мнению, даже просто сошли с научных путей, превратившись в «псевдонауку».² В свое время у нас в Буэнос-Айресе, на одном из своих курсов, Ортега резюмировал это положение так:

«Добрая часть современных исторических скорбей происходит из-за отсутствия ясности по отношению к вопросам, которые только социология может объяснить, и этот недостаток ясности происходит, в свою очередь, от плачевного состояния социологической теории... Я никогда не забуду изумления, стыда и возмущения, которые я почувствовал, когда я обратился, полный надежд, к книгам по социологии, и напоролся на невероятную вещь, а именно: что

книги по социологии не говорят нам ничего ясного о социальном, о том, что такое общество... Когда люди не могут сказать ничего ясного о чем-либо, они вместо того, чтобы молчать, делают обратное: говорят в превосходной степени, то есть кричат. А крик, это звучное вступление в агрессию, в бой, в бойню. Где кричат, нет настоящей науки, говорил Леонардо. Так несостоятельность социологии, заполняя головы путанными идеями, дошла до того, что превратилась в одно из бедствий нашего времени».³

Таим образом, та наука, которая должна была бы изучать факт исключительного значения идеологий в современном обществе, сама превратилась из науки в идеологию.

Верования и домыслы

Чем же в сущности являются идеологии, «измы»? Какая их функция в обществе? Идеологии являются системами идей, но **идей, до которых человек додумывается, не веря в них.**

Идеи в человеческом обществе Ортега делит на две группы: идеи-верования и идеи-домыслы (*ideas-creencias* e *ideas-ocurrencias*).

Верования – это почва, фундамент нашей жизни. Без верований человек не может нормально жить. Верования у человека есть, или их у него нет, но он никак не додумывается до них.

Но когда в этой почве верований появляются поры, пустоты, дыры, когда человек начинает сомневаться в своих верованиях, тогда ему не остается ничего другого, как попытаться заполнить эти поры своими домыслами. Домыслы появляются наряду с верованиями в результате сомнений в этих верованиях. Сомнения являются началом двоения, поэтому глагол **«сомневаться»** по-немецки – «цвай-фелн», где «цвай» буквально значит «двое», а по-испански «ду-дар», где «ду» тоже значит «два». Со-мнение, это мнение наряду с другим мнением.

Разделив таким образом идеи на две группы, Ортега предлагает называть только идеи-домыслы **идеями**, а идеи-верования просто **верованиями**. Свои основные мысли в этом вопросе Ортега выражает следующими словами:

*«Идеи рождаются из сомнения, то есть в пустоте или в дырах верований. Поэтому идеи, которые мы **измышляем**, не являются для нас **полной и подлинной реальностью**. Из чего виден **ортопедический характер идей**: они действуют там, где верование **сломлено или ослаблено**. Кто верит, кто не сомневается, тот не мобилизует свою томительную познавательную деятельность».*⁴

Если верования являются твердой почвой, то идеи-домыслы можно сравнить с качанием волн. Когда человек терпит крушение, когда у него больше нет твердой почвы под ногами, тогда ему не остается ничего другого, как плавать среди волн, надеясь на свои собственные домыслы. (Почва, земля в романских языках происходит от латинского слова «сухая» – «терса», «терра», то есть она противоположна воде, говорит Ортега. По-русски тот же смысл имеет слово «суша»).

Преследуя ясность в нашей теме и в терминологии, с нею связанной, можно добавить, что само слово «идеология» (то есть система идей-домыслов) имеет в себе зародыш неясности, ибо оно одного корня с целым рядом других слов иных значений, как, например, идейность, идеал, идеализм. Все эти слова происходят от слова «идея», которое когда-то значило «в-ИДЕ-ние», «в-ид», взгляд, аспект, от греческого глагола «идеин», по-латыни «видере», по-русски «видеть». Хотя это слово употреблялось и до Платона, оно впервые получает большое значение у него, но и тут мы уже встречаемся с различными толкованиями этого термина.

Чаще всего слово «идея» у Платона обозначает совершенный образец (модель) вещей, причем этот образец находится не в плане материи. Оттуда и происходит «идейность», то есть человеческое поведение в согласии с прежде установленными моделями, образцами. В свою очередь, идеализм – это совокупность философских течений, считающих, что правду о вещах должно (или можно) искать не в самих вещах, а вне их, в их идеях-моделях, или же в субъективных **взглядах** человека на вещи.

Но, несмотря на всю сложность этой терминологии, можно найти смысловую связь между первичным значением идеи как «взгляда» и значением идеологии, как «системы взглядов-домыслов».

Однако, было бы неправильным считать, что идеи-домыслы сами по себе имеют всегда отрицательное значение. Они являются всего-навсего **дополнением** верований. Когда верования находятся в кризисе, когда поры в этих верованиях соединяются в трещины, тогда человек имеет право (вернее, у него нет иного выхода) попытаться как-то склеить своими домыслами раскалывающуюся почву под его ногами. Кроме того, может быть и другое применение домыслов, а именно как **пред-положений**, гипотез (буквально «под-положений»). Платон употребляет предположения в геометрии, но указывает, что необходимо предполагать **одновременно в обоих направ-**

лениях: может быть да, а может быть нет. Аристотель требует ясного разграничения между предположениями и аксиомами, и указывает, что **в гипотезы** (предположения) «**не надо обязательно верить**».⁵ У Ньютона гипотезы даже отвергаются: «В экспериментальной философии нет места для гипотез», – но они все же применяются им как **временные ориентиры** для исследования. Позже распространяется применение гипотез в качестве «концептуальных лесов» или рабочих предположений в разработке научных систем (Ernst Mach).

В обоих вышеназванных случаях, у идей-домыслов служебная, функциональная роль, и они в этом смысле вполне допустимы. Отрицательное значение домыслы имеют тогда, когда ими хотят **заменить и вытеснить** верования, о чем будет сказано ниже.

Последователь Ортеги, испанский философ Паулино Гарагори, в свою очередь подразделяет идеи-домыслы на общие, специальные и цельные. Только лишь **цельные идеи**, которые он также называет интегральными, полными и целостными, основывают и создают настоящую культуру. Цельные идеи должны отвечать следующим требованиям:

1. Они должны оправдывать себя своим собственным историческим происхождением, иметь «**живой корень**» в «историческом процессе, являющемся проявлением человеческой жизни».
2. Они должны быть «курьерами между действительностью и человеком, а не их законодателями».
3. Они должны «нести и выявлять свое происхождение, то есть намерение, а также указывать, какое затруднение или какая преграда были преодолены их практикой».⁶

Древнегреческая философия была несомненно тоже системой домыслов, но она не пыталась вытеснить верования, но только их дополнить, а может быть, и вывести из кризиса, в котором они оказались. Мы очень часто забываем религиозный (конечно, дохристианский) характер этой философии, основанной часто на мифах и мифами часто объясняемой. В этом ее главное отличие от современной философии.

Служебную роль философии, прежде всего по отношению к верованиям, очень хорошо поняли Святые Отцы Церкви, которые охотно ею пользовались во многих случаях для объяснения или дополнения своих богословских изысканий.⁷ Но после раскола между Западной и Восточной Церквами, на Западе происходит раскол между верованиями и служебными идеями.

Роль верований

Изучение настоящей сущности верований и их роли в исторической жизни человечества могло бы осветить очень многое в нашей жизни, а также помочь понять многие общественные явления.

Например, образование и существование государств современная рационалистическая наука объясняет нам, исходя из трех-четырёх элементов: население, территория, власть и организационная структура. Недостаточность этих данных для понятия сущности государства очевидна, и поэтому можно считать попытки их расширить очень интересными.

В этом отношении необходимо упомянуть голландского философа Хейзинга и того же Ортега.

Хейзинга считает, что человек существо «играющее», и поэтому он его называет «гомо луденс», в противоположность «гомо сапиенс» или «гомо фабер». Поэтому и государство «никогда не является чисто утилитарным учреждением», так как оно создано человеком в процессе игры, игры сакральной, добавляет Хейзинга.

Военное дело и суд являются по Хейзинге своего рода игрой, так же как и весь государственный церемониал.⁸ Ортега присоединяется к мнению голландского философа и добавляет, что эта игра имела спортивно-состязательный характер, и что государство спортивного происхождения.⁹ Импульс для основания государства дает предприимчивая в военно-состязательном отношении молодежь, которая сама себя ограничивает **правилами игры**. Позже за исполнением этих правил следят уже не могущие играть старшие, которые становятся **арбитрами**, и так достигается равновесие творческих сил в государстве. Но все же я думаю, что, несмотря на ее блестящую оригинальность, эта теория недостаточна для полного уразумения самой сущности государства.

Недостаточна потому, что самым важным элементом в образовании и существовании государства являются идеи-верования.

Действительно, каждое государство группировало население на известной территории не только вокруг определенной власти, но прежде всего вокруг определенных верований. Вернее, эти верования группировали население и создавали структуру и власть. (Яркой иллюстрацией этого моего утверждения является создание в наши дни израильского государства).

Конечно, материальные и экономические интересы тоже играют определенную роль, ибо в государстве человек ищет гарантий для

своей **безопасности** и для своего минимального **благополучия**, но еще прежде этого человек инстинктивно ищет возможности жить по своим верованиям. Преломлением этих верований служат часто мифы, а мифы – если так можно выразиться – председательствуют при образовании государств.

Если мысленно обвести взором все нам известные государства, особенно те, которые сыграли значительную роль в истории человечества, то мы не найдем ни одного, у колыбели которого не было бы группы верований, отличающих это государство от других. Углубление этого вопроса было бы отходом от нашей темы, но необходимо добавить, что присутствие верований в образовании государств, быть может, является основным отличительным признаком человеческих государств от «государств» животных. Ибо и пчелы и муравьи создают свои «государства» с территорией, населением, структурой, властью и даже с известной игрой (последнее не отрицает и сам Хейзинга). Даже понятие государства-нации как «общности интересов в прошлом и в будущем» и как «**предприятия-программы**» (о чем говорил, например, Примо де Ривера) не делает существенного отличия между человеческим и животным государствами. Только верования с их внешними проявлениями в виде обрядов, символов и мифов отличают человеческое государство от подобных образований в животном мире. Может быть, это нам и поможет научно объяснить, почему те государства, которые сознательно изгоняют верования, становятся так похожи на государственные образования животных.

Таким образом, в основе человеческих обществ находятся **верования**, так же как в глубине человеческой души существует необходимость религиозной веры. Конечно, в разрезе нашей темы термин «верования» употребляется без качественного определения самого содержания этих верований, а только лишь как обозначение самого по себе социологического явления или факта.

Верования могут быть разного рода, и, кроме того, они не только подвержены кризисам сомнений, о чем упоминалось выше, но и изменениям и деформации. Иногда разные верования перекликаются между собой, создавая или оплодотворяя новую культуру, иногда вступают в борьбу между собой. Но всегда верования имеют «собираательный» характер, я бы даже сказал «**соборный**». Это и понятно, ибо индивидуальная вера каждого человека укрепляется общими верованиями. По аналогии с психологией, можно сказать,

что верования – это одновременно коллективное **подсознание** и коллективное **сверх-сознание** народов.

Поэтому самой большой опасностью для верований являются **расколы**, ибо они разрезают как раз ту общность, коллективность, соборность, которые можно считать отличительным признаком верований и их основной функцией.

Зарождение современных идеологий из расколов и апостасий

В исторической жизни нашей христианской культуры можно проследить длинную цепь расколов, так или иначе направленных на уничтожение ее общности и того соборного единства верований, на которых она основана.

Все древние ереси фактически были направлены на уничтожение новой общности в вере, вызванной к жизни христианством. Когда было возможно вызвать открытую апостасию (отступление от веры и от общности в вере), то велось нападение на ту или иную часть верований. Для этого создавалась своеобразная смесь из христианских верований (для обмана) и инородных элементов, чтобы в результате подменить этими последними саму сущность христианства. Эта «подмена» и есть «анти»-христианство, так как «анти» значит не только «против», но и «вместо», как на это правильно и неоднократно указывал редактор «Православной Руси» архимандрит Константин.¹⁰

Одной из первых ересей был так называемый «гностицизм», который длинными и извилистыми путями дошел и до наших дней, в разных формах и видах. Само имя этой ереси «гносиз» (знание) указывает на тенденцию к подмене верований домыслами.

Другие ереси древнего мира привели к отрыву от общности с нашей культурой тех областей, где они так или иначе возымели сильное влияние, как, например, в странах, потом (или частично вследствие этого) подпавших под Ислам.

Следующим расколом общности было то малозаметное явление VI века, которое Ортега называет «потерей двуязычности в Италии». Средиземноморская культура отличалась своей «многополярностью», которая выражалась в «многоязычии», главным образом в «двуязычии»: в сосуществовании языков, общих для всей культуры. (Об этом характере тогдашней культуры говорит трехязычная надпись на Кресте Христа и сам текст Евангелий, написанных евреями

по-гречески в Римской Империи, со вставкой римских терминов, даже перешедших в наш церковнославянский перевод, как, например, слово «кустодия»).

Но с VI века это сознание многополярности греко-римской культуры начинает теряться. Не только теряется в Италии греческий язык (который в первые века даже преобладал в христианских общинах Рима, как это видно из раскопок), но происходит психологическое отчуждение и размежевание между двумя половинами не только государства, но и Церкви. Это психологическое отчуждение и было одной из причин последующего ущемления соборных верований рационалистическими домыслами, что и привело к расколу 1054 года.

А. С. Хомяков метко и точно нам раскрывает сущность этого западного раскола, считая, что он вызван **«местным мнением»**, *«частным мнением, личным или областным (это все равно), присвоившим себе в области вселенской Церкви право на самостоятельное решение догматического вопроса»*. Это частное мнение уже заранее заключало в себе *«постановку и узаконение протестантизма, то есть свободы исследования, оторванной от живого предания об единстве, основанном на взаимной любви»*. Затем *«для избежания анархии, в замену соборного единства, был создан **внешний авторитет**, и на место удалившегося Духа Божьего наступило царство чисто рационалистической логики. Новосозданный деспотизм содержал безначалие, впущенное в Церковь предшествовавшим нововведением, то есть расколом, основанным на независимости областного мнения»*.¹¹

Протестантская реформа была логическим продолжением этого раскола, ибо раз допущено торжество одного отдельного мнения над общей верой, то почему не допустить и другие со-мнения?

Правильное понимание рационалистической сущности этого раскола поможет нам лучше понять и современное поведение Западной Церкви, кажущееся в наши дни иногда совсем непонятным. Кроме того, **при ослаблении «внешнего авторитета»**, – о котором говорит А. С. Хомяков, – раньше сдерживаемое «безначалие» начало широко развиваться, экуменически сочетаясь с воцарением бесчисленного множества «частных мнений» в лоне протестантизма. Вообще, по-видимому, существует какой-то социологический закон цепной реакции – последования одного раскола за другим.

С момента раскола между Западной и Восточными Церквями, острие расколов направлено уже не только против Христианства вообще, но в частности, главным образом, против Православия.

Многие исторические события могут предстать в ином свете, если мы их сопоставим с процессом нарастания расколов против соборного единства Христианства. Например, было бы небезынтересно обратить внимание на смысловую насыщенность, чувствуемую в следующем хронологическом перечне некоторых исторических дат первых двух веков после раскола:

1054 – Прибывшие в Константинополь папские легаты формализируют раскол.

1059 – Перемена папской политики на юге Италии: Папа признает норманские завоевания византийских владений в Апулии, Калабрии и Сицилии.

1082 – Норманны окончательно вытесняют Византию из Италии и пытаются завладеть балканским городом Дураццо, где начиналась старая римская дорога в Константинополь.

1096 – Первый крестовый поход, по суше, через Константинополь.

1099 – Занятие крестоносцами Иерусалима и провозглашение герцога Лотарингии прокуратором Гроба Господня с установлением его резиденции на месте Храма Соломона.

1118 – Иерусалимский Король уступает часть своей резиденции девяти рыцарям, которые вскоре организуют Орден Тамплиеров.

1128 – Основание Ордена Тамплиеров («Храмовников»), по-видимому, частично принявших участие в переброске гностических традиций с Востока на Запад, и из прошлого в будущее.

1202 – Основание в Ливонии, у границ Руси, Ордена Меченосцев, с уставом Тамплиеров и с красным крестом на белом плаще, как у Тамплиеров, только с добавлением меча.

1204 – Занятие и варварское разграбление Константинополя 4-ым крестовым походом. Выбор латинского патриарха в Константинополе.

1242 – Орден Меченосцев вторгается в новгородские владения, пользуясь тяжелым положением Руси из-за татарского нашествия. Святой Александр Невский разбивает «Меченосцев», ибо «не в силе Бог, а в правде».

Что в этих исторических событиях были **скрытые цели**, говорит нам не кто иной, как парижский архиепископ Мария-Доминик-

Огюст Сибур, по поводу начала Крымской войны в середине 19-го века. А. С. Хомяков написал по-французски в 1855 году брошюру, где он цитирует слова этого архиепископа:

*«Война, в которую вступает Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная... все другие основания... не более как предлоги, а истинная причина... есть необходимость отогнать ересь Фотия; укротить, сокрушить ее;... такова признанная цель этого нового крестового похода и... такова же была скрытая цель и всех прежних походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом».*¹²

Приблизительно в это же время, в XIII веке, происходит и другое событие, весьма чреватое последствиями. Это расщепление между наукой и верой и начало секуляризации всей культуры на Западе.

Проф. прот. В. Зеньковский считает, что начало этому расщеплению положено Фомой Аквином (1227-1274), *«от которого и нужно вести разрыв христианства и культуры, весь трагический смысл чего обнаружился ныне с полной силой».*¹³

Когда в XII веке сочинения Аристотеля были переведены на латинский язык и стали доступны Западу, уже не было так легко достигнуть синтеза между античной наукой (домыслами) и христианской верой. И тут Фома Аквинат *«просто уступил знанию (философии) всю территорию того, что может быть познаваемо естественным разумом»*, который объявляется **«самодостаточным»**. Вера и знания делятся на два этажа, находящихся один над другим, но независимых один от другого. На одном находится вера и богословие, а на другом философия и науки, которые ищут истину самостоятельно, при помощи «естественного света разума».

С этого момента на Западе теряется синтез между верой и знанием, и впервые домьслы начинают образовывать **самодовлеющую систему**, которая **теряет связь с почвой** верований. Весь процесс секуляризации начинается с этого. *«Религиозная трагедия этим была закреплена надолго, и вся новая история шла и доныне идет на Западе под знаком принципиального дуализма – христианства и жизни, христианства и культуры, христианства и творчества».*¹⁴

Интересно, что в подтверждение этой мысли проф. прот. В. Зеньковского здесь, в Буэнос-Айресе, была высказана параллельная мысль в области искусства. Известный аргентинский архитектор Пребиш говорил, что приблизительно после того же XIII века Ис-

кусство (с большой буквы) потеряло свое единство, распавшись на ряд искусств (с маленькой буквы) вследствие отрыва от религии.

Уже после протестантской реформы, этот процесс общего раскалывания ускоряется, достигая таким образом XVIII века, когда наконец получают свое оформление первые из современных идеологий. Развязывающим событием в этой цепи является Французская революция, начиная с которой мы и вступаем в «современность».

Леса для Вавилонской башни

Этот процесс отщепления домыслов от почвы (чьи трещины они должны были бы заполнять) и привел к созданию сложной, но самодовлеющей системы антирелигиозных (вместо-религиозных) идеологий.

Самое большое зло заключается не в самом наличии разных идеологических систем, а в их претензии стать на место верований. Вместо того чтобы основываться на почве верований, современные идеологии вступают в борьбу с ними, с тем, чтобы занять их место.

Это единственное в своем роде историческое положение и объясняет нам также единственное явление современных тоталитаризмов. В древнем мире часто существовали тирании, и даже весьма жестокие и кровавые. Однако не было таких **тоталитарных систем**, как в наши дни. Это нельзя объяснить одним лишь прогрессом техники. Дело в том, что современный тоталитаризм и есть воцарение одной какой-нибудь идеологии, с претензией занять в человеческой душе место верований. А так как идеология это идеи-домыслы, которые человек может выдумывать, разрабатывать, изучать и даже «углублять», но в которые он **не может верить**, то для того, чтобы создать фикцию господства этих идей над человеческим обществом, господства, аналогичного господству верований, то и приходится применять все средства полного, тотального зажима. Древние тираны не нуждались в таком полном зажиме, ибо, в крайнем случае, они требовали веры в них лично, но не в те теории, которые они и их единомышленники развивали.

Идеи, гипотезы и теории необходимы для развития культуры и цивилизации так же, как необходимы леса для построения зданий. Но здания строятся на фундаменте, а не на лесах. Леса имеют временную и служебную цель. Заменять ими фундамент невозможно и абсурдно.

Однако мы видим, как в наши дни систематически игнорируются основы, на которых зиждутся общества, и заменяются лесами

выдуманных идеологий. Причем все различия между этими идеологиями чисто внешние, и даже кажущиеся. **В основе всех этих идеологий лежит одна и та же претензия: подменить верования.** Этим и объясняется иногда кажущееся странным сотрудничество как будто борющихся между собой идеологий, и даже соприкосновение между собой самых крайних из них. Ничего, однако, странного тут нет, ибо это все одни и те же леса, раскрашенные в разные цвета (на каждый вкус по образчику) для построения новой вавилонской башни.

Все же, если внимательно задуматься над происходящим, можно прийти к следующему вопросу: как же все-таки можно строить что-то без всякого фундамента? Нет ли все-таки какого-нибудь фундамента, хотя бы какого-нибудь особенного, подо всеми этими построениями?

По-видимому, общий фундамент у современных идеологий все-таки есть. По крайней мере, у создателей, у самих идеологов, есть своего рода скрытый фундамент из верований, но верований или анти-христианских, или просто-напросто анти-верований. Анти-верования – это тоже верования, но с отрицательным знаком, так же как и неверие – это вера в несуществование предметов веры.

Действительно, все современные идеологии отличаются какой-то последовательной, упрямой, постоянной борьбой (открытой или скрытой) с верованиями. Дело не в игнорировании тех или иных верований, а именно в систематической борьбе с ними, которая и объединяет, так или иначе, эти идеологии.

Исследуя дальше этот общий фундамент современных идеологий, можно указать еще на одну его черту. Это тенденция к материализму, лежащая в той или иной форме в основе всех этих «измов». Конечно, не все идеологии открыто и прямо заявляют о своем частичном или полном материализме. Есть даже такие, которые официально с материализмом борются в той или иной степени или, по крайней мере, заявляют об этом. Но я хочу сказать, что во всех идеологических построениях имеется материалистическая тенденция, которую можно назвать даже своего рода константой.

Современные идеологические системы не только нам пытаются дать рецепт, как «лучше» жить, но и предварительно нам объясняют, почему именно этот, а не иной рецепт лучше других. И вот в этих объяснениях мы неизменно натываемся на вышеназванную материалистическую константу, которая в основном заключается в систе-

матическом занижении ценностей. Высшие ценности объясняются низшими. Высшие духовные и культурные цели человечества в конечном итоге сводятся к экономике, к технике, к формальностям, в лучшем случае к «национальным интересам». Самое главное, – всегда к интересам. (Как сказал Дизраэли: «У нас нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, а только постоянные интересы»).

В этом отношении, обе главные идеологические системы, довлеющие в наши дни над миром, являются близнецами, которые можно назвать одним общим именем: «товарократия».¹⁵ Действительно, проблемы производства товаров и их распределения поставлены на центральное место, и даже открыто говорится о стремлении создать «общество потребления».

Партийность идеологий и народность верований

Было бы ошибочным считать, что идеи-домыслы, идеологии или просто «**измы**», составляющие в наши дни одну систему, являются только лишь безобидным интеллектуальным социологическо-культурным явлением. Значение их шире, глубже и хуже.

Дело в том, что все они имеют конкретный политический характер, и все они ищут реальную политическую **власть**. Все идеологические варианты создают себе инструменты для достижения политической власти. Этими инструментами являются политические партии, которые внешне как бы «оформляют» идеологические «измы».

Проблема настоящей роли политических партий в современных государствах еще очень мало изучена современной наукой. Можно сказать, что даже не затронута. В размерах данной статьи можно лишь вкратце указать на некоторые моменты этой проблемы.

1. Мало кто обращает внимание на тот факт, что, с одной стороны, партии являются единственным **трамплином** для законного достижения власти в так называемых демократических (т. е. многопартийных) государствах, а с другой стороны, эти же партии зачастую вообще не упоминаются в конституциях этих государств. Таким образом, налицо явный парадокс: без партий нет демократических государств, но в конституциях этих государств о партиях нет ни слова. Партии являются на деле основными учреждениями государств, но официально они не учреждены их конституциями. Этим они избегают государственного контроля.

2. На деле партии являются **организованной монополией на власть**, так как они «фильтруют» всякую попытку приблизиться к власти отдельных граждан или иных не-партийных группировок. Иногда даже говорится, что партии обладают своего рода суверенитетом (высшей властью), и что поэтому они неприкосновенны для самого государства. Фактически, это является своего рода **узурпацией** государственной власти, проводимой сообща всеми партиями или самыми сильными из них, ибо путь к политической власти лежит только лишь через партии.
3. Партии являются непроницаемым **средостением** между народом и властью, ибо, с одной стороны, они претендуют на исключительное представительство народа перед властью, а с другой стороны – сами являются представителями этой власти перед народом.
4. Партии на деле могут отозвать от участия в государственной работе любого государственного деятеля, просто не выставив больше его кандидатуры на следующих выборах, иногда по чисто второстепенным соображениям внутрипартийного порядка. Этим достигается **зависимость** крупных государственных деятелей от партийных аппаратов, в ущерб общенародным интересам. В древнем Новгороде в состав Господского Совета входили не только находящиеся при исполнении своих обязанностей сановники (посадский и тысяцкий), называемые «степенными», но и прежние, т. е. «старые». Кого народ раз избрал, того никакая партия не имеет права отозвать по своему капризу. Этот здравый монархический принцип **пожизненности** применялся даже в республиканском Риме: единожды выбранные сенаторы продолжали всегда состоять в высшем совете республики, в который автоматически входили все бывшие высшие сановники. По-видимому, этот принцип **преемственной устойчивости** власти является общим для изначального государственного сознания европейских народов, т. к. даже в Афинах (которые считаются колыбелью современной демократии) выбираемые архонты (правители) по окончании своего годового мандата автоматически становились членами Совета Ареопага.
5. Исторически партии были **инструментом раскалывания** народов, по давно известному принципу – «разделяй и властвуй».

В то время как разными домыслами и гипотезами, под видом последнего слова науки, раскалывались народные верования, партиями раскалывалось само государство. Однако за многоликостью идеологий и партий вначале пряталось невидимое единство. Теперь это единство уже часто является открытым, а иногда даже для него есть имя. Это англосаксонское «establishment». Таким образом, многопартийность фактически является фикцией для прикрытия действительного **закулисного** единства.

6. Партии на деле являются не только антинародными, но даже и антидемократическими организациями, как на это удачно указал проф. Б. П. Вышеславцев: *«Политические партии организованы вовсе не демократично, а по принципу вождизма, олигархии и внутренних интриг. В своей внутренней организации они непроницаемы для избирателей, для суверенного народа, даже для общественного мнения. Иногда партийные комитеты состоят из лиц, вовсе не избранных народом, и такие лица могут влиять на решение парламента»*.¹⁶
7. Партии приводят к установлению **перманентной борьбы** в государстве и в обществе. Как говорит Ортега в своей статье «Не быть человеком партии», партии желают, чтобы *«общество было всегда расколото на группы, есть или нет для этого повод. Когда его нет, то его выдумывают»*. Для этого «считается, что борьба – это **существенная форма сожительства** между людьми». Но Ортега подчеркивает, что это не так: *«Неверно, что существование партий как таковых было естественно среди людей»*. Наоборот, зарождение исторических государств было *«преодолением предыдущего разобщения и вражды, для установления сожительства»*.¹⁷

Другими словами, вышеперечисленные признаки партийных систем являются **цепью фикций**, для **прикрытия захвата власти** над народом именем самого народа. Разница между однопартийными и многопартийными системами в сущности заключается в отбрасывании, за ненужностью, части этих фикций, заменяя часть лицемерия жестокой силой, во имя воцарения одной идеологии, как всеобщей властительницы дум. Поэтому ошиблись все те, которые уповали на оздоровление нашей цивилизации путем замены многопартийных систем однопартийными. Также являются ошибочными и панацеи, проповедуемые сегодня теми или

иными партиями, даже выступающими (иногда и искренне) против всех других.

Партии претендуют узурпировать народные права не только тогда, когда они ставят свою фракционную дисциплину выше самих народных представительств, но и тогда, когда они больше сообразуются со своими идеологическими интересами интернационального порядка, чем с интересами своих собственных народов.

Научный подход к политике является единственным выходом из создавшегося положения. Необходимость такого подхода начинает выявляться у нас на родине. А. Д. Сахаров, в своей известной брошюре «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в самом начале говорит: «...Эта озабоченность питается сознанием того, что еще не стал реальностью научный метод руководства политикой... “Научным” мы считаем метод, основанный на глубоком изучении фактов, теорий и взглядов, предполагающих непредвзятое, бесстрастное в своих выводах, открытое обсуждение...». Но для этого, прежде всего, надо покончить с тиранией тех или иных взглядов, сгруппированных в самодовлеющие системы. Для того, чтобы обсуждение было непредвзятым, «в гипотезы не надо обязательно верить» (Аристотель), но «предполагать, что может быть да, а может быть и нет» (Платон). Когда же на опыте доказано, что нет, то значит нет.

Одним из объектов, требующих непредвзятого и бесстрастного изучения, являются современные политические структуры, основанные на партийности, и их явное несоответствие с настоящими и будущими культурными и духовными нуждами человечества.

Если же не партии, то что же должно быть положено в основу новых политических структур? Никколо Макиавелли когда-то сказал, что **нужно уметь возвращаться к истокам**. Истоки государства – это народы. По А. С. Хомякову, народы являются настоящими деятелями истории. Тойнби говорит, что этими деятелями являются цивилизации, жизнь которых проходит по одному и тому же закону. Несмотря на блестящий разнос Ортегой этого последнего детерминистического утверждения Тойнби, все же можно согласиться с упомянутой ролью цивилизаций. Но это не противоречит указанию Хомякова, ибо народы или группы народов и являются носителями цивилизаций. Были отдельные народы, которые создавали свою собственную цивилизацию, как, например, до-птоломеевский Египет, были же и группы народов, которые совместно

с другими народами творили общую цивилизацию, как тот же Египет в эллинистический и римский периоды. Даже когда одна какая-нибудь цивилизация принадлежит не одному, а нескольким народам, то все же каждый народ в отдельности является историческим индивидуальным деятелем.

Я бы это положение выразил так: *народы являются носителями верований, которым они дают определенные контуры, даже когда эти верования не принадлежат им исключительно.* Таким образом, народы являются одновременно носителями цивилизаций и государств.

Но сложность государства требует соответствующей сложной структуры, и поэтому должен быть какой-то признак такой структурности. Если же отбросить признак партийности и базироваться на народе в целом, то как же организовать этот народ в государстве? На это можно ответить: так, как государства основывались почти что всегда. По **территориальному (земскому)** признаку. В данной статье невозможно развивать эту тему, но можно пояснить саму мысль несколькими примерами.

В древнем Риме выборы происходили не по партийному, а по территориальному признаку, по кварталам и центуриям (квартал – это четвертая часть городской территории). Новгород тоже *«состоял из нескольких общин – “концов”, делившихся, в свою очередь, на меньшие общины – “сотни” и “улицы”. На вече члены этих общин стояли, конечно, вместе. И легко могли сговориться между собою по каждому делу, так что после переговоров выяснялось мнение каждой общины. А из суммы этих мнений и составлялось мнение вече. Стало быть, не было нужды считать отдельные голоса людей, составлявших тысячную толпу: надо было только убедиться, что все общины, составлявшие Великий Новгород, сошлись на том или другом решении»*.¹⁸

Во времена глубоких конституционных реформ в Афинах в 508-507 годах, вся государственная структура Атики была основана на довольно сложном территориальном разделении. Вся территория была разделена на три зоны: сам город, прибрежная полоса и внутренние районы. Затем были созданы совсем новые роды, в свою очередь состоявшие из более или менее одинакового числа «приходов» (демосов), но не находящихся в соседстве, а принадлежащих разным географическим зонам. Каждый новый «род» состоял, таким образом, из приходов всей страны, был как бы поперечным сечением всего народа. Это привело «к более широкой

*солидарности в самом государстве (полисе): гражданин не только голосовал по родам, но и воевал по родам... и устраивал драматические состязания по родам...».*¹⁹

Вообще, процесс образования государства – это процесс преодоления родовых структур и родственных отношений и замены их территориальными структурами и отношениями, иногда с сохранением родовой терминологии (как в Афинах, так и в Риме, где квартал назывался «трибу», а начальник квартала «трибун», откуда и пошли трибуна, трибунал и т. д.). Это преодоление родовой разобщенности и замены ее **сверхродовой общностью верований**, при помощи территориальной организации, и выразилось в наших славянских языках словом «**на-род**».

Основание русского государства тоже сопровождалось распадом родовой системы и заменой ее территориальной, при установлении соборности общих верований. Территориальными центрами являются города, и вместо полян на сцену выступают киевляне, вместо словен – новгородцы и т. д.

Позже наш народ решает свои судьбы, **собираясь на Земских Соборах**. Какая точность в терминологии: земскость от земли-территории (земля и есть «terra»), от «всех городов русских» (а не от партий и группировок, хотя последние, несомненно, тоже существовали), и Собор в знак соборности верований, а не разобщенности через «измы». Так и Ромул создал Рим: собирая мужей с верой в общее дело. Потому его титул: «Квинринус», от «Ко-вири», «со-мужами», «со-бир-атель». Может быть, и первые народные учреждения Рима «курии» происходили от того же корня: «курии» = «ко-вир-ии» = «со-бир-ии» = «соборы».²⁰

Аристотель оптимальную форму государства именует «полицией», а демократия является ее вырождением. Демократия – это власть (или видимость власти) разобщенных масс. Полития – это органическое единство народа. Поэтому еще в Византии **народное** творчество называлось «политическим», а не «демократическим».

Политические представители народа должны выбираться по территориальному признаку, без партийных ущемлений их прав до и после выборов. Сейчас большое значение придается так называемому иммунитету народных представителей, но их нужно защитить, в первую очередь, не от стоящих на улице полицейских, а от партий, ставящих свою волю выше личной совести народных представителей и выше общенародных интересов.

Это, однако, не значит, что все партии надо запретить. Если партии не проповедуют преступность, то это частные группировки, которые объединяют какое-то число граждан по идеологическому признаку, и было бы несправедливо их запретить в правовом государстве, гарантирующем права и свободу человека. Но все должно стоять на своем месте, и партии не могут и не должны претендовать на высшую, суверенную власть. Вообще они не смеют претендовать ни на какую власть, ибо власть – это не функция партий. Партии могут поддерживать того или иного кандидата, но они не могут иметь **исключительного права выдвигать кандидатов**, а тем менее – ограничивать их своими интересами и домыслами. Это относится и к другим группировкам. (Были неправы и корпоративисты, заменяя народ корпорациями, ибо весь народ никогда не уместается ни в партиях, ни в корпорациях).

Один испанский писатель выразил эту мысль следующим каламбуром, когда его спросили о его партийной принадлежности: «Yo no soy partido, yo soy entero», что значит: «Я не расколотый, я цельный». («Партидо» по-испански значит и «партия», и «расколотый», причем оба понятия происходят от одного и того же корня).

Таким образом, народ должен выбирать свободно, без партийных указок, своих представителей на разные ступени народной власти, организованной соборно по территориальному признаку, то есть по местам с преемственной и устойчивой структурой.

Разные общественные и экономические теории являются не более и не менее как рабочими гипотезами, без претензий на догматическую непогрешимость, а только лишь с правом принимать участие в «открытых обсуждениях», если они не имеют установленного криминального характера. Всякое же поползновение к политической или общественной власти должно быть караемо законом, как попытка подрывной конспирации и узурпации.

Поэтому, если несомненно, что Россия после марксизма не может броситься в объятия капиталистического либерализма, то также несомненно, что она не может вернуться от однопартийной системы к многопартийной или даже к малопартийной. Россия должна переболеть эту партийно-идеологическую болезнь нашей современной цивилизации и дать толчок для возрождения этой цивилизации и на политическом поприще, найдя путь для создания народного и беспартийного строя, с низведением разных «измов» на их третье-степенное место.

Но для этого необходимо произвести духовный взлет, преодолеть привитые нам расколы и возвратиться к родовым народным верованиям, от которых мы отступили.

Буэнос-Айрес, 1971 год.

1. В сентябре прошлого 1970 года в Болгарии состоялся 7-ой Международный Конгресс Социологии, на акте открытия которого Председатель Совета Министров Болгарии Живков подчеркнул «важность социологических наук для развития социализма» (Буэнос-Айресский журнал «Siete Dias» № 180 от 19.10.1970 г.).
2. Jose Ortega y Gasset: «El hombre y la gente». Madrid, 1958, стр. 34. (Перевод с испанского всюду мой. И. А.).
3. Там же, стр. 33, 35.
4. Jose Ortega y Gasset: «Ideas y creencias». Madrid, 1968, стр. 42, 57.
5. Analytica Posteriora I, 10, 76 b 23.
6. Paulino Garagorri: «Introduccion a Ortega». Madrid, 1970, стр. 198, 200, 202, 205.
7. А. С. Хомяков указывает, что «Святой Климент Александрийский говорил, что философия воспитала эллинов ко Христу, как закон воспитал евреев. Эта мысль дошла к нему от его учителя, который сам был ученик апостолов». (Избранные сочинения. Нью-Йорк, 1955, стр. 303). Блаженный Августин говорит: «Si Deus veritas est, verus filosofus est amator Dei». «Если Бог есть правда, то настоящий философ – любитель Бога».
8. Johan Huizinga: «Homo ludens». Buenos Aires, 1968.
9. Jose Ortega y Gasset: «El origen deportivo del estado». Obras Completas, Tomo II. Madrid, 1961, стр. 607.
10. Правда, есть еще третье значение этого слова: «как будто бы». Так, амазонок называют «анти-анеира», «как будто бы» мужчина. Антихристианство и есть «как будто бы христианство».
11. А. С. Хомяков: Избранные сочинения. Нью-Йорк, 1955, стр. 149, 250.
12. Там же, стр. 275. Вообще очень странно – и даже непонятно – как мало мы все знакомы с произведениями этого замечательного мыслителя. На это указывал в «Православной Руси» митрополит Филарет.
13. Проф. прот. В. Зеньковский: «Основы христианской философии». Франкфурт на Майне, 1960, стр. 11.
14. Там же, стр. 13.
15. Б. П. Вышеславцев говорит, что «капитализм и коммунизм – две формы индустриализма». («Кризис индустриальной культуры». Нью-Йорк, 1953 г.).
16. Б. П. Вышеславцев: «Кризис индустриальной культуры». Нью-Йорк, 1953, стр. 255.

17. Jose Ortega y Gasset: «Ideas y creencias». Madrid, 1968, стр. 189, 190, 191.
18. Проф. С. Ф. Платонов: «Учебник русской истории». Буэнос-Айрес, 1945, стр. 53.
19. H. D. F. Kitto: «Los griegos». Buenos Aires, 1962, стр. 146, 147.
20. Jose Ortega y Gasset: «Obras completas», Tomo II. Madrid, 1961, стр. 622.